

, 1929

FB2: , 131358174781210000, version 1

UUID: {2E85F4B5-A9DB-4F32-A737-D25D92CA84D8}

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

А. Зарин

Приключение

Из журнала «Вокруг света» №№ 26–28, 1929 г.

Рисунки А. Любимова.

А. Зарин

Приключение

I

Павел Петрович Сивачев поставил на примус чайник и, сев у открытого окошка, взял со столика полевой бинокль Цейса, который он получил в награду на службе и Красной армии во время гражданской войны.

Примус гудел, словно грозил взрывом, за стеной соседка неугомонно стучала швейной машиной, а Сивачев, приложив бинокль к глазам, водил им вправо и влево, вверх и вниз, и перед ним, как в кинематографе, мелькали кадры беспрерывно меняющейся картины, которую можно было бы назвать «жизнью без прикрас».

Некоторые комнаты вставали перед Сивачевым так близко, что он совершенно ясно различал в них и предметы, и людей; некоторые были отдалении, а когда он отнял бинокль от глаз, все смешалось в сером однообразии каменных зданий и каждый дом, квар-

тира, комната ревниво скрывали свои тайны. Сивачев снова приложил бинокль к глазам и стал переводить его от окна к окну, от здания к зданию. И вдруг перед ним встала высокая стена дома, которой раньше он никогда не видел. В пять этажей, почерневшая от времени, с резкими трещинами, она имела только три несимметрично расположенные окна, из которых два были заколочены и казались темными пятнами, а третье, в пятом этаже, открыто. И то, что увидел Сивачев в этом окне, приковало его внимание.

У окна стоял человек в белой рубашке с ермолкой на голове.

У окна стоял человек в белой рубашке с ермолкой на голове. Бритое, энергичное лицо его с острым носом и плотно сжатыми губами показалось Сивачеву полным напряженного ожидания. Подле него на подоконнике стояли какие-то приборы. Сивачев оглядел комнату и она показалась ему не то мастерской, не то физическим кабинетом.

Он снова перевел бинокль на человека.

Очевидно тот чего-то ждал. Взгляд его был

направлен перед собой в пространство.

Вдруг лицо человека осветилось улыбкой. Он слегка отодвинулся в глубь комнаты, и Сивачев в изумлении замер. Только теперь он заметил у наружного края окна три видимо железных прута, к которым словно плыли сейчас по воздуху три светящиеся шара; они

вспыхнули на концах прутьев тремя бледными огоньками и исчезли.

Стоящий у окна человек засмеялся, перегнулся вперед, отвинтил один за другим три прута и положил их на стол, после чего убрал с подоконника приборы и закрыл окно. Сивачев опустил бинокль.

Что бы это было?..

II

На другой день, едва проснувшись, Сивачев встал с постели и подошел к окну, желая взглянуть на окошко в глухой стене. Перед ним на далекое пространство, словно сбившееся стадо, теснились дома, за ними темной стальной полосой сверкала Нева, дальше, сливаясь в серую каменную массу, опять тянулись дома. Сивачев тщетно искал в этом хаосе нужные ему окно и стену; наконец взял бинокль.

Он водил им по всем направлениям и вдруг в широком просвете двух домов увидел темную стену в трещинах и три разбросанные по ней окна.

Он внимательно стал разглядывать и стену, и окна, и окружающие дома.

Очевидно стена эта раньше выходила на двор соседнего дома, но дом этот разрушился, от него остались только гребень обвалившейся стены да куча мусора, и стена вышла наружу, не заслоненная домами. На ней были видны трещины, которые казались рассеченными ранами. Два окна были забиты с внутренней стороны досками, а третье, на высоте пятого этажа, было занавешено.

Сивачев отложил бинокль, умылся, съел свой обычный завтрак и вышел на работу.

Он был физкультурник. Занятий в школах летом не было и он занимался на двух спортплощадках и кроме того давал уроки плавания.

Он любил свое дело. Напряжение мускулов, быстрая циркуляция крови, сознание своей силы доставляли ему бодрую радость.

Вечером, вернувшись с работы, Сивачев снова сел к раскрытому окну, взял бинокль и сразу направил его на заинтересовавшую его стену.

Верхнее окно было, как вчера, раскрыто настежь. На его подоконнике стояли какие-то приборы и подле них человек в ермолке.

Он что-то делал подле одного прибора, который представлял собой блестящий цилиндр, лежащий на двух подставках. Позади цилиндра тянулись черные шнуры, может быть провода, а спереди выдвигался прут с шариком на конце.

Человек в ермолке расправил шнуры и отошел в глубину комнаты, но через минуту снова вернулся к окну.

И почти тотчас же от шара, которым оканчивался прут прибора, отделился светящийся голубоватым светом шар и поплыл из окна по воздуху. За ним другой и третий.

Сивачев направил на них бинокль. Это было удивительное явление. Размером с мячик для игры в пинг-понг шары быстро двигались в воздухе, то опускаясь, то поднимаясь, и в светлых сумерках июньского вечера светились нежным голубым светом.

Сивачев следил за ними, пока они не скрылись за домами, потом перевел бинокль на окно.

Человек в ермолке, высунувшись вперед, пристраивал к наружному краю окна третий прут и, прикрепив его, отодвинулся к своим

приборам.

Сивачев увидел, как он отцепил от цилиндра черные шнуры, потом от другого прибора взял белые провода и протянул их к прутьям, после чего стал поворачивать ручку на крышке другого прибора, напряженно смотря перед собой.

Сивачев в такой же момент увидел его вчера в первый раз и теперь ждал, что вот снова поплывут светящиеся шарики, приткнутся к концам прутьев и, вспыхнув, погаснут.

Так и случилось. Три шара появились в воздухе перед окном, засветились, коснувшись металла прутьев, и исчезли.

Человек в ермолке отвинтил прутья, бросил их на стол и, убрав приборы, закрыл окно.

III

Из вечера в вечер Сивачев смотрел на одинокое окно, светящееся на фоне черной стены, и из вечера в вечер человек в ермолке выпускал светящиеся шарики и они, совершив какое-то путешествие, возвращались назад и угасали на концах прутьев.

Что это за шарики, что это за человек, при каких опытах присутствовал Сивачев?

Он решил найти этот дом, узнать, кто живет за этим окошком и что он делает.

Но это оказалось не легко. С помощью компаса Сивачев определил направление, в каком находилось от него окошко. Затем достал план и от своего окна по румбу компаса провел прямую. Она пересекла ряд улиц, площадей и переулков и прошла далеко через Балтийский вокзал к взморью.

Сивачев отметил ближайшие улицы и переулки и в одно из воскресений отправился на поиски.

Он пересек Проспект 25 Октября, вышел на Ул. Марата и потерял нить.

Вернулся он домой раздраженный неудачей и все последующие дни с досадой думал, как иное, с виду пустое дело оказывается трудным при выполнении.

В следующее воскресенье он не мог заняться своими поисками, потому что обещал приехать к своему знакомому на дачу, но мысли его неотвязно обращались к человеку в ермолке и его занятиям.

Он застал Гришиных за обедом на террасе

с почерневшими от времени перилами, с дырявым, прогнившим навесом на четырех столбах.

За столом теснясь сидели Гришины — муж, жена и дочь и их соседи по даче — Хрущов с женой.

Гришин увидал Сивачева, когда тот открывал калитку палисадника, выскочил из-за стола, скатился по трем ступенькам и весело закричал:

— А наконец-то! Как раз к обеду. Ходите, ходите!

Глаза его смеялись, губы улыбались и, схватив Сивачева за руку, он потащил его на террасу.

— Вот он, наш общий друг, прыгун, скакун, бегун, плакун... ха-ха-ха! — засмеялся он, считая себя остряком и балагуром.

Сивачев, здороваясь, обошел всех сидящих.

— Садитесь, садитесь! — суетился Гришин. — Аничка, наливай ему окрошки.

После обеда все пошли в парк, а вечером сидели на террасе и разговаривали.

— Вот и наше житьишко, — сказал Гришин, — мы снимаем две комнаты, а они, —

указал он на Хрущовых — одну. Не то, что прежде, когда у меня бы по пять комнат, но все-таки дача, и знаешь, мне кажется, что теперь стало лучше. Упростилась жизнь. Нет, знаете, этих фасонов. Все просто и ясно.

— Ну, не все, — отозвался Хрущов, — вот хотя бы с нами случай. Положим, случай так сказать из мира физического, но не простой и не ясный.

— С вами? А вы и не говорили... Расскажите, Степан Кириллович.

— Ну, если хотите, так расскажу. Случилось это примерно за неделю до переезда сюда. Вечером было, часов в одиннадцать. Сидим мы с ней, — он кивну на жену, — в гостиной и молчим. Я курю, она так сидит. Огня не зажигаем. Совсем светло. Читать нельзя, а все видно. День был жаркий, а тут в раскрытое окошко вечерней прохладой веет... хорошо! Курю я и ни о чем не думаю. Вдруг жена говорит и словно с испугом: «Смотри, Стива», и на окно указывает. Я взглянул и, признаться, тоже струсил. Вообразите, по воздуху в белых сумерках плывет небольшой шарик. Так величиной с абрикос. И весь он светится голубо-

ватым светом.

Сивачев при этих словах чуть не подско-
чил.

— Ну? — сказал он.

Хрущов повернулся к нему и продолжал:

— Сидим мы с ней как зачарованные, а шарик прямо к нам в окошко плывет. Описал по комнате вроде круга, вылетел опять в окно и поплыл прочь. Я очнулся и закрыл окно. И вот что удивительно. Зрелище, могу сказать, восхитительное, а мы замерли в непонятном страхе и шевельнуться боялись.

— Я чуть не умерла. Захватило сердце... — сказала жена Хрущова.

— Что же это было? — спросил Сивачев.

Хрущов пожал плечами.

— Вот здесь-то и оказалось чудо. Чудо инстинкта. После я узнал, что это была шарообразная молния. Бывает такая. Говорят, что, если бы она разорвалась, нас разнесло бы на кусочки. И вот, хотя мы не знали, что это за штука, мы испытали смертельный страх.

— Вы говорите, шарообразная молния? — спросил Сивачев.

Хрущов утвердительно кивнул головой.

— Чудеса! — воскликнул Гришин.

Сивачев встал.

— Пора и на поезд.

Он стал прощаться и сказал Хрущову:

— Вы меня ужасно заинтересовали своим рассказом. Позвольте мне посетить вас, чтобы увидеть так сказать место происхождения.

— Сделайте одолжение. Буду очень рад. По вечерам всегда дома, кроме субботы и воскресенья. Сюда приезжаю, — ответил Хрущов и дал свой адрес.

Сивачев простился и пошел на вокзал.

IV

Сивачев волновался всю ночь и весь следующий день. Шарообразная молния. Что это за штука? Надо непременно узнать о ней все, что можно. Может быть это имеет связь с его наблюдениями.

Быстрый на решения Сивачев в тот же вечер пошел к Сергею Семеновичу Барсукову.

Этот Барсуков преподавал естествознание в трудовой школе, где Сивачев давал уроки гимнастики. Сивачев слышал про него, что он — спец по физике. Куда-то готовится и что-то пишет.

Барсуков сам открыл Сивачеву дверь.

— Ба! Кого я вижу! Какими ветрами занесло? — радушно приветствовал он гостя.

— Я к вам по делу, — ответил Сивачев, пожимая руку Барсукова, — может и смешному, но по делу.

— Отлично! Проходите налево. Я сейчас.

Он стал запирасть входную дверь, а Сивачев вошел в небольшую комнату.

— Ну, садитесь, — сказал входя Барсуков.

Он указал Сивачеву на кресло, сел напротив, закурил и сказал:

— Ну, я слушаю вас.

— Я вас буду слушать, — засмеялся Сивачев и без всяких оговорок спросил: — Что вы знаете о шарообразной молнии?

Барсуков с удивлением посмотрел на него, но, увидев напряженное внимание, с которым ждал Сивачев ответа, заговорил:

— Очень немного знаю. Это — один из видов грозовых явлений. Есть молнии расплывчатые. Вы их видели сто раз. В просторечии — зарницы. Грома не слышно, а только вспышки. Потом — линейные. Это когда с треском прорезываются тучи и молния сверкает зиг-

загами. Самое обыкновенное явление. И третий вид — шарообразная молния. Это — тихий и странный разряд электричества, когда грозовая туча близко к земле и воздух насыщен влагой. Вероятно благодаря влажности электричество как бы капсулируется в шар и висит в воздухе, плывя в нем. Если происходит разряд, то он бывает обычно разрушительной силы. У нас это явление встречается редко, но его можно видеть на Кавказе, а чаще всего оно наблюдается в тропических странах. Ну, что еще? Внешне молния эта представляет собою шар, светящийся красным или синим цветами. Размер шара разный. Чаще бывает с бильярдный шар, но бывает и с голову.

Он замолчал. Сивачев кивнул головой.

— Спасибо! И еще вопрос: можно эту молнию получить искусственно? Ведь линейную молнию можно кажется видеть при разряде лейденской банки или между кондукторами электрической машины?

— Совершенно верно, — ответил Барсуков, — этим вопросом интересовался физик Плантэ. Он брал два намоченных в воде кар-

тона; один помещал на подставках, другой подвешивал над первым на расстоянии 40–50 сантиметров. Картоны он соединял с противоположными полюсами батареи аккумуляторов в несколько тысяч вольт и получал небольшой светящийся шарик, который потом разрывался с сильным треском.

— Благодарю вас, — сказал Сивачев, — очень, очень благодарен! Я знал, что вы мне объясните.

Барсуков улыбнулся.

— Пустяки... А зачем вам понадобились эти сведения?

— Пока это мой секрет. Глупость! Но после я вам скажу. Скажу непременно. Вы позволите зайти к вам еще раз?

— Сделайте одолжение. Всегда рад!

V

На следующий вечер Сивачев пошел к Хрущову.

Квартира Хрущовых состояла из трех комнат: прямо из передней — маленькая гостиная, где стоял и письменный стол хозяина; за ней — маленькая столовая с буфетом и книжным шкафом, а за столовой — видимо спаль-

ная.

Хрущов сидел в столовой и пил пиво. Он открыл дверь, радушно поздоровался и провел Сивачева в столовую.

— Рад вашему приходу. Скучища адова. Угощайтесь!

Он подвинул Сивачеву стакан, но Сивачев отказался.

Хрущов засмеялся.

— Я и забыл, что вы физкультурник. Чем же вас поштовать? Чаем, что ли?

Он захлопал в ладоши.

На этот сигнал из внутренней двери высу- нулась растрепанная грузная старуха и про- шамкала:

— Чего тебе?

— Ставь самовар и давай нам чаю!

— Не утерпел, — заговорил Сивачев, — очень хотелось видеть всю обстановку пере- житого вами случая и снова выслушать ваш удивительный рассказ.

— А, пожалуйста. Я очень рад! Вон там и было.

Хрущов поднялся и со стаканом в руке про- шел в гостиную. Налево от двери было рас-

крытое окно, в углу направо — изразцовая печка и рядом с ней — пианино.

— Вот я здесь сидел, — объяснил Хрущов, опускаясь в кресло подле двери, — а жена — там. Сядьте туда, — и он указал на глубокое кресло между печкой и пианино.

Сивачев сел и очутился против раскрытого окна.

Хрущов стал рассказывать сиповатым, монотонным голосом. Сивачев смотрел со своего места в окно.

Хрущовы жили в третьем этаже, но, несмотря на это, ничто не заслоняло вида из окошка, и Сивачев видел развалины домов, груды щебня, какой-то садик и наконец Семёновский плац, а за ним сбоку — стройную колокольню церкви Мирония.

Он обратил взгляд налево и вдруг замер.

Перед ним за несколькими рядами низких полуразрушенных домов встала потемневшая стена с трещинами, два черных пятна от заколоченных окон и высоко, в пятом этаже, раскрытое настежь освещенное одинокое окошко.

Сивачев как зачарованный не мог отвести

от стены глаз.

— Чего это вы так уставились? — спросил Хрущов, прерывая рассказ.

— Удивительный у вас вид... Почти центр города, всего третий этаж, а так далеко видно.

— Кругом дома были, да рассыпались.

— У вас есть бинокль? — неожиданно спросил Сивачев.

— Театральный...

— Все равно... Я так... посмотреть...

— Пожалуйста.

Хрущов принес бинокль и сам ушел в столовую, где зазвенела посуда, а Сивачев поднял бинокль к глазам и стал смотреть.

Да! Это — то самое окно и в нем человек в ермолке. И теперь совсем ясно виден.

— Ну, налюбовались? Пожалуйста чайку выпить.

Сивачев встал и положил бинокль на пианино.

В столовой на столе кипел самовар и на сковороде шипела яичница.

— Вот у меня какая старуха! — сказал Хрущов. — Садитесь и кушайте...

Сивачев торопливо выпил стакан чаю и

поднялся.

— Не считите меня назойливым, но позвольте притти к вам завтра, — сказал он, прощаясь с хозяином.

— Да хоть каждый вечер, я только рад.

— Благодарю вас! Так я забегу завтра.

VI

Придя домой, Сивачев прежде чем лечь спать взял план Ленинграда и красным карандашом отметил на нем дом, в котором жили Хрущовы.

Теперь эта стена с трещинами будет найдена без' ошибки, сразу.

С этой мыслью он лег в постель, а засыпая думал, что узнает, кто такой этот человек в ермолке и что он делает.

На другой вечер он взял с собой компас, бинокль и отправился к Хрущову.

Было девять часов.

— Отлично! — приветствовал его Хрущов. — Ба, да у вас бинокль с собой? Знатная штука. Хоть астрономией занимайся... — Хрущов взял бинокль и стал его разглядывать. — Эге! «За боевые заслуги». Вроде золотого оружия. Это за что же?

— Так, маленькое дело было, — скромно ответил Сивачев и подошел к окну.

— Ну, наблюдайте, — добродушно сказал Хрущов, — а, я на кухню загляну.

Он ушел, а Сивачев тотчас вынул компас, установил его и, глядя на стену, которую видно было простым глазом, определил по румбу направление линии от окошка до стены. Он записал отметку и спрятал компас, затем ушел в глубину комнаты, сел в кресло, на котором сидел вчера, и направил бинокль на знакомое окошко.

Оно встало перед ним словно в двух шагах. На подоконнике стояли уже приборы и над ними возился человек в ермолке.

Сивачев подробно разглядел его. Это был высокий, сутулый, полный мужчина лет сорока. Энергичное, умное лицо с резким профилем и высоким лбом сразу запоминалось.

Голова его на затылке была закрыта шелковой черной ермолкой, отчего резче выделялись широкий лоб и густые брови.

Он видимо только что установил свои приборы на подоконник, и Сивачев увидел какие-то медные поверхности и провода.

— Батюшки, да вы словно двойные звезды наблюдаете, — проговорил подле него Хрущов.

Сивачев отнял от глаз свой бинокль и сказал:

— Интереснее. Возьмите, Степан Кириллович, бинокль и сядьте у окошка. Сами увидите.

— А, ну! — Хрущов взял бинокль и подошел к окну. — Куда смотреть надо?

— Станьте немного левее, чтобы я мог видеть. Теперь смотрите направо. Видите кирпичную стену, а в ней три окна?

— Вижу. В трещинах...

— Вот! Два окна забиты, а третье светится.

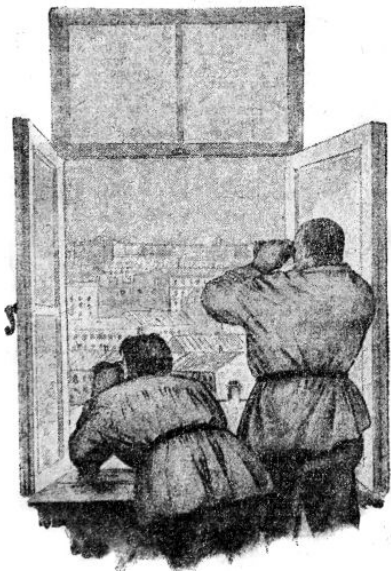
— Вижу. В нем человек в ермолке.

— Он самый. А теперь следите, что он делает.

Сивачев замолчал. Молчал и Хрущов, и оба они следили за человеком в ермолке.

...Они следили за человеком в ермолке.

Сивачев знал, что произойдет дальше, но Хрущов вскрикнул от удивления, когда увидел, как три слабо мерцающих голубоватых

шарика один за другим поплыли по воздуху.

— Да ведь это шарообразная молния!

— Она самая. Такая же и к вам в окно залетела.

— Ах, мать честная!..

Сивачев встал.

— Завтра увидите то же самое, — сказал

он, — теперь этот человек как-то вернет назад эти шары. Они приплывут к окну и исчезнут.

Он взял бинокль, взглянул и остановился.

— Постойте! Что-то новое...

Хрущов схватил театральный бинокль и подошел к окну. Сивачев увидел, что вместо того, чтобы обратиться к другой машине и установить за окном прутья, человек в ермолке стоял у окна с подзорной трубой и внимательно смотрел в ту сторону, куда уплыли шары, потом передвинул свою машину, повернул на ней ручку и снова стал смотреть в трубу. И вдруг Сивачев увидел, что труба прямо направлена на их окно.

Сивачеву стало жутко. Он опустил бинокль, а Хрущов помахал рукой, положил бинокль на подоконник и смеясь сказал:

— Я ему ручкой сделал. Интересный случай, но неприятно все-таки попадаться с личным... Идемте.

Они прошли в столовую, где уже стоял самовар.

— Я его уже давно наблюдаю, — сказал Сивачев. — Как вы рассказали про эту молнию, я сейчас же сообразил. И вот видали?

- Интересно, очень интересно.
- Как вы думаете, что это такое?
- Вероятно ученый какой-нибудь. Делает опыты. Теперь будем его наблюдать. Вот мне и развлечение.
- А я хочу разыскать его.
- Что ж, познакомиться с таким любопытно.

Сивачев собрался уходить.

— Меня-то не забывайте, — говорил Хрущов. — Приходите, вместе смотреть будем, а потом ужинать. Старуха вареники с черникой сделает — язык проглотите.

Он проводил Сивачева до дверей и дружелюбно простился с ним.

Сивачев вернулся домой и тотчас взял план Ленинграда и линейку. Сверившись с записью, он точно уложил линейку по румбу компаса и провел линию от дома, где жил Хрущов. Новая линия пересекла проведенную раньше под острым углом.

Сивачев взглянул на точку пересечения. Она находилась на Глазовой улице.

VII

Утром, взяв с собой обычный чемоданчик

с необходимым туалетом, Сивачев поехал к Крестовскому мосту на урок плавания. День был необыкновенно жаркий и Сивачев был рад поплескаться в воде.

Река уже была полна купающимися. Трое из плавающих тотчас вышли на берег, чтобы помогать Сивачеву, так как были лучшими пловцами и готовились в инструкторы. Один из них, парень лет двадцати, с широким, добродушным лицом, с плечами, грудью и руками, словно выкованными из железа, обратился к нему:

— Я, Павел Петрович, купался только, а помогать вам не буду.

— Это почему, товарищ Груздев?

— Уморился за ночь. На пожаре был.

— На пожаре? Где?

— За Невской заставой, на фанерной фабрике. Часов в десять загорелось, а к девяти утра только-только огонь сбили. Как полыхало — и сказать нельзя! Я там всю ночь и суетился.

Сивачев вздрогнул.

— В десять часов говорите? За Невской заставой?

Груздев кивнул.

Мысли вихрем закружились в голове Сивачева.

«Человек в ермолке. Примерно в десять часов вылетели его шарики... и не вернулись... и он смотрел в трубу в ту сторону. Да! В ту сторону. Но может быть это простое совпадение?»

— Это имени Ногина?

— Она самая.

Сивачев кивнул и вошел в воду. Ему необходимо было успокоиться, притти в себя.

Он нырнул, поплыл на груди, потом на спине, стоя. Ученики следили за его движениями, а он думал.

«Надо разузнать на месте. На этой фабрике он занимался физкультурой и с секретарем коллектива он был в дружеских отношениях. Надо съездить туда и все узнать, что можно. Непременно сегодня же!»

Он вышел из воды и накинул на плечи халат.

Время прошло быстро, урок кончился.

Сивачев вытерся, оделся, схватил чемоданчик и торопливо двинулся в путь.

Трамвай номер двенадцать, потом номер семь. Минут через сорок Сивачев уже подходил к фабрике.

Следы пожара видны были сразу, да и на самой фабрике еще оставалась дежурная часть, зорко следя, не покажется ли где неза тушенный огонь. Кругом валялись обгорелые доски и балки, листы железа, битые стекла. Земля была пропитана водой и везде стояли лужи.

Сивачев вошел в правление и знакомой дорогой прошел в комнату коллектива партии.

Секретарь Кумачев, усталый и сразу поставивший, приветливо поздоровался и сказал:

— Какими судьбами?

Сивачев сел и поставил чемоданчик подле себя.

— Да вот про пожар услышал и решил заехать.

— Погорели, как есть. Штабели досок сгорели и склад. Еле-еле главный корпус отстояли. А как горело! — он махнул рукой.

— А почему загорелось?

— Причина одна — огонь, а откуда он взял-

ся — неизвестно. Думай, что хочешь. Главное, сразу загорелось — и доски и склад. Склад весь закрытый, кирпич да железо. А доски — на дворе. Сторожа если? Народ честный, трезвый...

— Слушай, — сказал Сивачев, — будь друг, пойдем — посмотрим...

Кумачев встал и бросил папиросу.

Они вышли на двор, на котором стояли отдельные корпуса фабрики.

В углу двора на огромной площади чернели груды угля, залитые водой.

— Вот это все, что от досок осталось, — сказал Кумачев. — Костер! Подойти нельзя было. А склад — во!

Он показал на здание в другом конце двора. Оно стояло с закоптелыми стенами, со снятой крышей, с выбитыми стеклами.

— Много добра пропало!

Они вошли в корпус. На земле стояли лужи черной от угля воды, по сторонам высились четыре стены и над ними синее небо.

Сивачев стал осматриваться и вдруг нагнулся: на земле лежал кусок железа необычайной формы.

— Что это?

Кумачев посмотрел и сказал:

— Вот жар какой! Надо думать, это кусок рамы от окна. Видишь, железо и то сплавилось.

— Видишь, железо и то сплавилось, — сказал Кумачев.

— Я возьму, — сказал Сивачев.

— Бери. Такого добра не жалко!

Назойливые мысли мелькали в голове Сивачева.

— Ты не думаешь, что тут поджог? — спросил он.

Кумачев дернул головой.

— Ефрем Мартынович, тебя директор зовет! — закричал с крыльца конторы лохматый человек в серой блузе.

— Иду! — отозвался Кумачев и протянул руку Сивачеву. — Я пошел! Будет время, заезжай домой. Потолкуем, и жена рада будет...

— Спасибо!

Кумачев пошел по двору, а Сивачев направился в правление, чтобы захватить свой чемоданчик.

Было уже четыре часа и он решил проехать к Хрущову и поделиться с ним своими мыслями.

И здесь его встретила новая неожиданность.

VIII

Уже поднимаясь по лестнице, он почувство-

вал какую-то неясную тревогу. Внизу у дверей стояло несколько человек и о чем-то оживленно говорили, причем одна женщина сокрушенно качала головой. На первой площадке разговаривали вполголоса две женщины.

Дойдя до третьей площадки, Сивачев увидел, что дверь в квартиру Хрущовых открыта и в передней стоит сама Хрущова с платком в руке и разговаривает с незнакомцем, а дальше, в гостиной, стоит Гришин.

Сивачев вошел в переднюю и Хрущова, увидев его, обернулась и, не здороваясь, резко и вызывающе спросила:

— Скажите, что вы делали со Степаном Кирилловичем здесь у окошка с биноклями? — она указала на гостиную.

Сивачев смутился.

— А что? Смотрели...

— На что?

Сивачев почувствовал в ее голосе неприязнь.

— Просто на дома... вдаль, — ответил он и спросил в свою очередь: — А в чем дело?

— Он умер... вчера... сразу, — и Хрущова за-

крыла лицо платком.

На мгновение у Сивачева помутилось в глазах, но он быстро овладел собой.

Там на столе лежал большой грузный Хрущов...

В гостиной с ним поздоровался Гришин и провел в столовую. Там на столе лежал большой грузный Хрущов. Теперь лицо его не было красно, глаза и рот были полуоткрыты, и когда Сивачев подошел, ему показалось, что

Хрущов смотрит на него и что-то хочет сказать.

Гришин стоял подле Сивачева и вполголоса говорил:

— В три часа ночи пришла телеграмма. Приехали с шестичасовым. Старуха рассказывает, что после того как вы ушли, он подошел к окошку и стал смотреть в бинокль. Она со стола убирала и ходила из столовой на кухню. Вдруг что-то треснуло, а потом громыхнуло. Она вбежала, а он уже на полу и мертвый. Она крик подняла. Соседи пришли, его на кровать положили. Доктор был.

— И что доктор?

— С доктором я виделся. Удар, говорит. Что ж, человек полный, шея короткая, любил выпить...

Сивачев бессильно опустился на стул.

Может быть и удар. Может быть и фабрика горела случайно, но в мыслях его оба случая связывались с человеком в ермолке.

Человек этот вчера, выпустив свои шары, не ждал их назад, а смотрел в подзорную трубу и что-то делал подле своей машины. Человек этот позднее навел трубу прямо на окош-

ко в гостиной и несомненно ясно увидел Хрущова с биноклем. Это было жуткое мгновение. А теперь... фабрика сгорела, Хрущов мертв.

Комната понемногу наполнялась людьми.

Сивачев перебрался в маленькую гостиную и сел там между печкой и пианино, откуда вчера смотрел из своего бинокля.

Он поднял глаза и стал смотреть в сторону зловещей стены. Она поднималась над крышами других домов, и он увидал одинокое окошко. Оно было раскрыто и Сивачеву показалась в нем фигура человека.

Разглядеть его он не мог. Может быть он теперь следит через подзорную трубу за тем, что происходит здесь.

Сивачев оглянулся, ища бинокль, и вдруг на полу у окошка увидал блестящий предмет. Он осторожно подошел, нагнулся и поднял. Сомнения не было. Это была расплавленная и потом застывшая алюминиевая оправка бинокля.

Сивачев зажал свою находку в руке и потихоньку вышел из квартиры.

День выпал исключительный.

Сивачев зашел в столовую, наскоро пообедал и по телефону позвал к себе домой Барсукова.

IX

Вернувшись домой, Сивачев лег отдохнуть. Было уже семь часов.

За стеной тарахтела швейная машина, и он тотчас заснул под ее однообразный шум и проснулся только тогда, когда в соседней комнате раздался голос Барсукова:

— Есть жив человек?

— Есть, есть! — отозвался Сивачев.

Барсуков бросил на стол шляпу, взлохматил свои волосы, опустился на диван и закурил папиросу.

— Чорт возьми, высоконько вы живете. Лез, лез. Ну, что у вас за дела?

— Большое дело, — ответил Сивачев.

— Так. Ну, выкладывайте.

Барсуков выпрямился на диване.

— Скажите, как могло это произойти? — спросил Сивачев, кладя на стол сплавленные кусок железа и оправу бинокля.

Барсуков взял их в руки, внимательно осмотрел и положил на стол.

— Что за вопрос? — ответил он, — это — сплавленное железо, это — алюминий.

— На пожаре могли сплавиться?

Барсуков тряхнул головой.

— Зависит от степени жара. Алюминий свободно, хотя все-таки... Для него нужно 700 градусов. Это возможно. Что касается железа, для этого требуется 1.550. Это уже труднее...

— А если электричество, молния?

— Ну, тогда и золото, и платину сплавишь.

Сивачев кивнул.

— Теперь еще вопрос. Вот вы говорили, что кто-то получил шарообразную молнию...

— Плантаэ...

— Ну, вот, Плантаэ! А можно ли такую молнию послать куда-нибудь? Пустить как пулю или мину?

Барсуков пожал плечами.

— Чего теперь нельзя... Сейчас мы еще не знаем этого секрета, но несомненно над этим думают. Да вот вам! Недавно было опубликовано, что Маркони изобрел аппарат для передачи электрической энергии на расстоянии. А у нас в Нижнем профессор Бонч-Бруевич передал электрическую энергию через Волгу.

Правда, совсем малой силы, но передал. Понятно, в обоих случаях это не шарообразная молния. Это вероятно вроде радиопередачи, но не все ли равно? В наше время чудеса исчезают или, наоборот, все кругом становится чудесным. Но для чего это вам? Любопытства ради?

— Не только. Тут большое дело, и я к вам обратился, потому что одного вас знаю. Так сказать спеца.

Барсуков пытливо посмотрел на него.

Х

С полчаса смотрел Барсуков в бинокль. Потом положил бинокль на подоконник и откинулся на спинку стула. Лицо его покраснело, глаза блестели.

— Да, черт возьми! — проговорил он, — это занимательно.

Сивачев кивнул.

— Вы видели, как он пускал шары?

— Видел... три шара один за другим...

— И они вернулись?

— Два.

— Значит он смотрел в трубу?

— Смотрел. Потом закрыл окошко. Кажет-

ся смеялся. Но что у него за приборы? Кто он?

Барсуков вскочил со стула.

— Ну, а теперь я вам расскажу свои истории, — сказал Сивачев и подробно рассказал про знакомство с Хрущовым, про свои наблюдения, пожар фабрики и смерть Хрущова.

Во время его рассказа Барсуков садился, вскакивал, бегал по комнате и ерошил волосы.

Сивачев окончил, помолчал и спросил;

— Ну, что вы скажете?

— Ах, чорт возьми! Изобретатель, гений, преступник, сумасшедший!.. Все вместе. Возможно самому с ума сойти.

— Но что же нам делать?

Лицо Барсукова приняло озабоченное выражение. Он закурил, окружил себя дымом и уже спокойно заговорил:

— Да, задача. Найти его, вы говорите, легко?

Сивачев кивнул.

— Арестовать его нет смысла. Доказать преступления вы не сможете. Понять его приборы — тоже. Да он их испортит. А надо и то, и другое и третье.

— То есть?

— Надо знать тайну его изобретения. Это великое достижение. Размеры его вреда и пользы нельзя и исчислить. Для техники, для войны, для хозяйства, для науки...

Барсуков опять вскочил.

— Потом надо установить его преступления — поджог, убийство. Потом арестовать и судить. Судить и расстрелять. Да! Да!

XI

В трамвае Сивачев доехал до остановки у церкви и пошел по Воздвиженской улице.

Он шел уверенно, хорошо зная дорогу.

Сейчас будет Глазовая улица. Он повернет налево, и перед ним окажется стена, которую он так хорошо знает, дом, который ему так нужен.

И действительно, едва он свернул на Глазовую улицу, как увидел перед собою унылый пустырь, покрытый грудами битого кирпича, гребень обвалившейся стены, торчащую, как гнилой зуб, трубу, а за этим пустырем высокую в пять этажей черную потрескавшуюся стену с тремя окнами.

Сердце Сивачева забилося сильнее, как у

охотника, выследившего зверя. Он перешел улицу и вошел в ворота дома.

— Где здесь управдом? — спросил он у встретившейся ему женщины.

— А вон по лестнице. Первая площадка направо.

Лестница была грязная, с поломанными перилами и выщербленными ступенями.

На одной из двух дверей, выходящих на площадку, была прибита бумага с надписью «управдом». Сивачев толкнул дверь и вошел в тесную кухню.

У плиты стояла женщина с подоткнутым подолом, на плите стоял примус, и его гудение смешивалось с криками, доносящимися со двора, и с жужжанием мух, висящих над плитой черной тучей.

Сивачев спросил управдома.

— Иван Кирилловича? Нет его дома. Чичас должен с работы приттить.

Сивачев хотел уже уходить, когда дверь отворилась и вошел пожилой мужчина с красными воспаленными глазами, сизым носом и седой козлиной бородой.

Поверх ситцевой рубашки на нем был на-

кинут пиджак, а голову покрывал клетчатый картуз.

— Вот вам и Иван Кириллович, — сказала женщина и спросила — давать есть, али поговоришь?

— Не тарахти, — сердито тонким голосом окрикнул ее Иван Кириллович и обратился к Сивачеву: — Вам, гражданин, собственно какая надобность?

Сивачев подкупающе улыбнулся и ответил:

— Поговорить хотел, Иван Кириллович, на счет комнаты.

Иван Кириллович постоял в раздумье и потом, тряхнув головой, сказал:

— Здесь у меня не сподручно. Тесно и опять духота. Вы вот что, гражданин. Как от нас перейдете на ту сторону, пивная будет. Подождите меня с минутку, а я следом буду.

Сивачев кивнул и вышел. До него донесся голос женщины.

— Беспременно натрескаешься...

Сивачев перешел улицу и вошел в портерную, где занял угловой столик.

Подносчик подошел к Сивачеву и для вида

провел грязной тряпкой по грязной клеенке.

— Две бутылки пива и два стакана, — сказал Сивачев.

— Сей минуту, — подносчик через мгновение вернулся и поставил бутылки.

Иван Кириллович явился очень скоро.

— А, вы уж и распорядились, — сказал он, улыбаясь и быстро наливая два стакана.

Сивачев не любил ни вина, ни пива, но, если нужно было, мог перепить любого пьяницу и на этот раз решил не отказываться от компании.

— За ваше, — сказал Иван Кириллович, — не знаю, как величать.

— За ваше, — ответил Сивачев, — зовите товарищ Ефремов. По простоте.

Сивачев наполнил снова стаканы и заказал раков. Иван Кириллович широко улыбнулся.

— Дом наш, можно сказать, весь пролетарский и, ежели говорить по истине, так в скорости развалиться должен, потому никакой ремонт немыслим при нашем бюджете и опять надо его, подлеца, сверху до низу выпрямлять.

Сивачев налил опять стаканы и спросил вторую пару.

— В доме-то и раньше рабочие жили?
Иван Кириллович даже отставил стакан.

Иван Кириллович отставил стакан и начал рассказывать...

— Как это возможно. Дом был, можно сказать, капиталистический. Купец Сиволдаев строил. Тут вот на Николаевском рынке, знае-

те? Мясные имел, зеленные, курятные. Богатей! Этот дом имел, и на углу огромный. Богатый народ жил... Ну, а после на наше повернуло. Дом-то угловой как есть смыли. По началу двери, замки, заслонки, стекла, рамы. Ну, потом полы разбирать стали, а там балки, стропила. Он и развалился. Ночью хлопнулся. Наш-то дом от этого и треснул. Что твое землетрясение. А после Откомхоз кирпич увез, железо ребята растаскали, и получился теперь пустырь. Говорят, площадку делать будут, чтобы детишкам играть...

— А ваш стоит?

— А наш — во — треснул, сердечный. Опять, крыша плоховата, а стоит! Можете быть покойны. Поживем. И комната есть.

— Отлично! — Сивачев опять налил стаканы. — Я собственно, для приятеля. Тоже пролетарий.

— Это нам все равно. У нас тут и кустарь живет и, вроде как нэпман, один — краски продает, лавочка у него и служащие есть. Всякие. Только нашего брата все же сила.

— А из каких это квартир у вас три окошка в глухой стене?

Иван Кириллович махнул рукой.

— С парадного подъезда. Самые такие богатейшие. По восьми комнат. Окна-то в глухой стене из людских комнат были или из кладовых ихних. Большие комнаты, а окно одно. Только в двух заколотили, потому комнаты совсем в разорении, а в одной живет. В пятом этаже. Старик один.

Сивачев невольно переспросил:

— Как старик?

Иван Кириллович кивнул.

— Чудодей такой! Знать Сергей Аркадьевич Заводилов. Служит в строительной конторе. Квартира-то раз разоренная в пятом этаже, и он в ней один. С собакой. Огромный пес, что твой зверь.

— Один живет?

— Как есть. Обходительный человек, только чудодей. Ни к себе никого, ни сам никуда.

— Занятно. Вот бы у него и взять комнату.

— Ни к чему. Мы вам другую приспособим. Мы хорошего человека завсегда уважим. Я бы и сегодня...

Он допил пиво и мотнул головой.

— Сегодня не с руки. Я приду послезавтра.

Сивачев подозревал подносчика, расплатился и встал. Иван Кириллович с трудом поднялся и протянул руку.

— За угощение благодарим. Будьте покойны — с комнатой уважим.

Он заплетающимся шагом пошел следом за Сивачевым, и они вышли на улицу.

— Вон чудодей-то наш! Ишь пес какой, — сказал Иван Кириллович, тыча пальцем.

Сивачев увидел высокого худощавого старика с длинной седой бородой, в соломенной шляпе и длинном пальто. Рядом с ним шел огромный дог.

Старик открыл дверь подъезда, пропустил собаку и вошел следом за ней.

Сивачев оставил Ивана Кирилловича и медленно пошел по улице. Он был совершенно сбит с толку. Старик, собака, пустая квартира, а между тем каждый вечер в окошке появляется человек в ермолке и производит свои страшные опыты.

Сивачев остановился на углу улицы и оглянулся на стену. Вверху, отражая луч заходящего солнца, красным отблеском горело одинокое окно, и Сивачеву оно показалось

зловещим кровавым пятном.

XII

Вечером пришел Барсуков. Сивачев отворил дверь и увидел его с тяжелым металлическим треножником и с большим, видимо тяжелым свертком в руках.

— Возьмите эту штуку и тащите, — сказал, входя, Барсуков.

Сивачев ухватил треножник, запер дверь и вошел следом за Барсуковым к себе в комнату.

— Что это такое? — спросил он.

— Это? Это, уважаемый, астрономическая труба. Горы на Луне увидеть можно. Это не ваш бинокль. Теперь мы его как на ладони увидим. Сейчас установим.

Он развернул бумагу, и Сивачев увидел большую подзорную трубу.

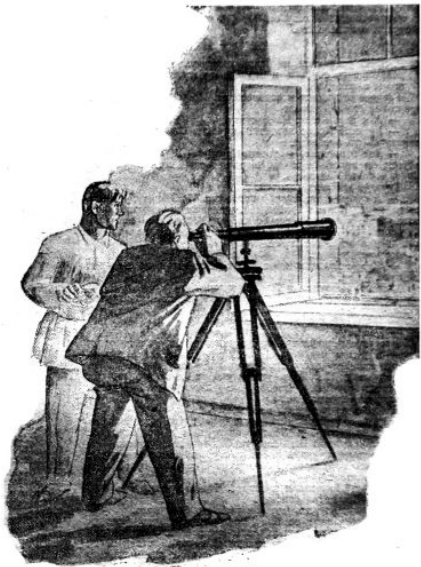
Барсуков быстро прикрепит ее к треножнику и раздвинул.

— Теперь сделаем установку.

Он стал наводить трубу.

Барсуков стал наводить трубу.

— Вот! Поглядите-ка.

Сивачев приложил глаз. Прямо перед ним встало окошко, занавешенное шторой. Можно было видеть облупившуюся краску на переплете окна, швы на зеленой коленкоровой шторке и ржавое железо подоконника.

— Великолепно! — воскликнул Сивачев, — теперь мы все разглядим.

Труба стояла в глубине комнаты, на добрую сажень от окошка.

— Поставим стул, придвинем стол. Можно наблюдать по очереди, курить и распивать чай. Вот как! — весело сказал Барсуков.

Он закурил.

— Что-нибудь узнали?

Сивачев махнул рукой.

— Можно сказать — ничего. Вернее — путаница какая-то.

И он рассказал про свое исследование.

Барсуков покачал головой.

— Это подтверждает только, что существует какая-то тайная организация, что это не ученый исследователь, а какой-то, вернее какие-то враги.

— Старик и собака.

— Ну, да. Это для отвода глаз. Главный прячется.

— Что же будем делать?

— Отсюда наблюдать и изучать, а там наводить справки и расследовать. Прежде всего, кто этот Заводилов? Потом, что это за контора? Надо за ним следить. Пожалуй снять там комнату. А теперь будем наблюдать.

Он нагнулся к трубе.

— Началось, — сказал он, — теперь смотреть буду.

Он придвинул стул, сел на него верхом и приник к трубе.

Сивачев взял бинокль и взглянул на знакомое окно.

Оно было раскрыто, и человек в ермолке устанавливал на подоконнике приборы.

Сивачев видал уже это и отложил бинокль, а Барсуков не отрываясь смотрел в трубу и делал вслух свои замечания.

— Эгэ, да у него с потолка шест висит. Вроде громоотвода. Как у Ломоносова. Только у того шест в землю уходил, а здесь свободно болтается. Надо думать, атмосферным электричеством пользуется. Не иначе. Вот в грозу бы подсмотреть! Приборы установил. Чорт его знает... Будто Румкорфа спираль, а будто и иное что-то. Во первых, провода, а потом обыкновенный кондуктор. Провода соединил. Так... Один шар, другой, третий... поплыли.

— У, чорт его возьми! — отодвинулся Барсуков от трубы и, качаясь на стуле, стал говорить.

— Я только одно понимаю. Шары притягиваются на острия, которые соединены проволокой с землей, и происходит тихий разряд, как на громоотводе. И только. Остального не понимаю. Догадываюсь, что электричество он берет из атмосферы и как-то собирает, конденсирует, заряжает им как-нибудь лейденские банки, аккумуляторы. Не иначе. Чтобы получить такие шарики, нужны сотни тысяч вольт, миллионы...

Барсуков вскочил и взъерошил волосы.

— Да, да. Физики Браш, Ланге и Урбан протянули на Альпах сеть с остриями на высоте 80 метров для использования грозы и получили разряд в один миллион семьсот тысяч вольт! И здесь вроде этого, но высота много если 30 метров и всего один шест. Это же невероятно. И потом, как он образует эти шары, как посылает, как направляет? О, чорт!

— И при этом преступник, — вставил Сивачев.

XIII

Сивачев вторично пошел на Глазовую улицу.

Дойдя до нее, он увидел высокую потряс-

кавшуюся стену, и она в сиянии летнего дня показалась ему еще более зловещей.

Он поднял голову, смотря на окошко пятого этажа, и замер.

От окошка то поднимаясь, то опускаясь плыл по воздуху бледно-голубой шар, величинной с большую сливу. В ярком дневном свете на фоне синего неба он был почти невидим. Сивачев проследил, как он обогнул высокий дом и поплыл прямо в направлении к вокзалу Октябрьской железной дороги.

Сивачев завернул за угол и решительно вошел в подъезд дома.

Когда-то прекрасная лестница с широким вестибюлем, с лифтом, с огромным камином носила все признаки разрушения. У перил то здесь, то там были выбиты чугунные резные столбики, все ступени лестницы были покрыты сором.

Сивачев быстро поднялся до площадки пятого этажа и осмотрелся. Дверь в интересовавшую его квартиру очевидно была налево. Она была крепка, сделана под дуб и заперта американским замком. В двери была узкая щель почтового ящика, и у левой притолоки

чернела кнопка электрического звонка.

С правой стороны площадки находилась такая же точно дверь. Только в ней не было почтового ящика, и на месте кнопки звонка зияла выбоина, словно глазница без глаз.

Сивачев осторожно постучал в дверь направо. Сухой стук гулким эхом пронесся по лестнице.

Он ударил сильнее, еще и еще, и услышал шаги, а затем женский голос:

— Кто там? Чего надоть?

Сивачев решительно ответил:

— Мне Иван Кириллович сказал, что у вас есть комната.

— Так что хозяина нет, и дверь заколочена. Надоть с черного хода.

— Приду, — весело отозвался Сивачев и почти сбежал с лестницы.

Это было настоящая удача. До пяти часов еще оставалось добрых три часа времени и Сивачев тотчас поехал разыскивать Груздева.

Дома его не оказалось. Значит надо искать на стадионе. Сивачев увидел его в фуфайке, с обнаженными шеей и руками, могучим ударом отбивающего футбольный мяч. Еще че-

рез два удара мяч был загнан в ворота, и наступил перерыв.

Сивачев отвел Груздева в сторону.

Сивачев отвел Груздева в сторону от играющих.

— Слушай... Необходимо, чтобы ты посе-

лился в одном доме. Это на Глазовой улице. Я плачу за комнату, только переселись.

— А для чего? — Груздев почесал в затылке.

— Я потом объясню, а сейчас твое согласие нужно. Не можешь, я Тышко попрошу.

— Зачем, Павел Петрович? Раз просите вы, значит так нужно. Когда ехать?

— Сегодня вечером ко мне приходи. Я тебе все объясню, и завтра переедешь.

— Ладно.

Он кивнул и побежал продолжать игру.

Сивачев повидался с Иваном Кирилловичем, договорился о комнате.

Она прилегалa к большой темной передней, двери которой выходили на парадную лестницу.

Хозяин квартиры, мастеровой, слесарь с фабрики, занимал с женой и двумя детьми кухню, а четыре комнаты сдавал.

Дело было сделано, и Сивачев пошел к себе.

Выйдя на Лиговку, он увидел промчавшихся пожарных.

— Где пожар? — спросил он милиционера.

— На Октябрьской дороге. Склады горят.

Сивачев взглянул перед собой и увидел вдали клубы дыма, стоявшие в воздухе.

Он вспомнил о голубом шаре, и опять чувство тревоги и страха охватило его.

XIV

Груздев устроился на новой квартире. На третий день, возвращаясь с урока и подходя к дому, Сивачев увидел его и окликнул.

Груздев оглянулся и остановился. Широко улыбнулся и, одергивая блузу, сказал:

— А я к вам шел. На минутку.

— Ну что? Какие новости? — спросил Сивачев, когда они поднялись по лестнице.

— Все в порядке, — ответил Груздев, — В двери дыру провертел, но ничего не видал. Вчера провожал его на прогулке. Ну, и собака! Как зверь.

Груздев помотал головой.

— А сегодня на службу провожал. На улицу Дзержинского, подле Канала Грибоедова. Дощечка маленькая. Лестница узкая, темная. По дороге на углу улицы 3-го Июля у папиросника папиросы взял и будто ему записку дал.

Может так показалось... Вот и все.

Сивачев кивнул.

— Следи. Главное: кто в квартире живет и с кем старик видится.

Они попрощались, и Груздев ушел.

Вечером пришел Барсуков, сразу же уселся перед трубой и заглянул в нее.

— Окно еще занавешено.

— Рано...

Барсуков сдвинул трубу, закурил папиросу и заговорил:

— Я думал над нашим положением, Павел Петрович. Вполне понимаю вашу тревогу и колебания, но подождем еще недельку. Сообщить всегда успеем, а за неделю мы, может, так подготовим дело, что все у нас в руках окажется... Главное, секрет откроем...

Он вскочил и забегал по комнате.

— Ведь подумать только, голова кружится. Держать в руках молнию, как Зевс громовержец, и посылать ее в намеченную цель. Ведь это такое изобретение, что...

Он взмахнул руками и, сев на стул, приложился к трубе. Сивачев задумался. Неождан-

но Барсуков проговорил резким шопотом:

— Берите бинокль и смотрите. Что-то новое.

Сивачев схватил бинокль.

Действительно, то, что они увидели, было ново.

На подоконнике не было обычных приборов. Человек в ермолке стоял посреди комнаты и с горячностью говорил что-то рыжему лохматому великану, который стоял перед ним в одной рубаше и синих галифе, босой, с видом полного равнодушия.

Эту сцену прервал старик, который вошел в комнату быстрыми шагами, что-то проговорил; и рыжий великан тотчас вышел.

Старик подошел к столу и разложил на нем лист бумаги, который вынул из кармана и тщательно расправил.

Человек в ермолке наклонился над листом, и старик стал что-то быстро объяснять, тыча в лист пальцем.

Человек в ермолке тоже ткнул пальцем в лист, и они заспорили.

Человек в ермолке стал махать руками, старик стучал кулаком по столу, потом с ви-

димым волнением пробежал по комнате, хлопнулся на стул и резким движением сорвал с себя седую бороду и седой парик.

Человек в ермолке отступил и мотнул головой, словно его ударили в подбородок. Старик махнул рукой и, вынув платок, вытер лицо.

Теперь он уже не был стариком. Бритая большая голова его с широким лбом и срезанным затылком производила впечатление жестокости. Короткая шея, мясистые уши, квадратный подбородок усиливали это впечатление. Но вместе с этим лицо его выражало решительность.

Видимо успокоившись, он стал что-то говорить человеку в ермолке, методически хлопая широкой рукой по столу, потом быстро встал, взял со стола парик и бороду и вышел.

Человек в ермолке с задумчивым видом постоял посреди комнаты, потом взял со стола подозрную трубу и, подойдя к окошку, стал что-то искать, водя трубу во все стороны. Сивачев замер.

Вот также он подглядел покойного Хрущева, но теперь комната не была освещена, и

труба стояла от окна на добрую сажень, хотя...

Барсуков вскочил со стула и пробежал по комнате ероша волосы.

— Заговорщики, конспирация, очевидно! — выкрикнул он и остановился. — Какую бумагу они разглядывали?

— Я думаю, это был план. План Ленинграда?

Барсуков закурил и снова забегал.

— Что он в трубу высматривал?

— Нет ли где наблюдателей. Вот так он Хрущова увидал и убил...

Барсуков остановился.

— Но нас он не видал?

Сивачев усмехнулся.

— Думаю, что нет. Мы далеко, — труба стоит в глубине комнаты.

Барсуков сел.

— Разберемся, — заговорил он, — теперь мы знаем, что в квартире живут трое: изобретатель, переодетый стариком, и рыжий великан. Надо, чтобы ваш приятель выследил их.

Сивачев кивнул.

— По-моему, — заговорил снова Барсу-

ков, — этот старик главное лицо, а великан — это вроде слуги...

Сивачев опять кивнул.

— Сложное дело, хитрое дело, преступное дело, — проговорил Барсуков.

XV

Сивачев всю ночь проворочался в постели, думая обо всем виденном.

Несомненно тут и контрреволюция и вредительство, быть может — шпионаж. Белогвардейцы и иностранные приятели... Но все это надо выяснить и только тогда действовать.

Барсуков прав. И, проснувшись, Сивачев решил весь день провести в наблюдении.

Совершив свой утренний туалет, с обливанием водой и непременно гимнастикой, он сел у трубы.

И сразу, когда он заглянул в нее, его поразило новое явление. На опущенной зеленой коленкоровой занавеске черной краской были написаны: крупная цифра 3, рядом буква Д и цифра 8.

Занавеска висела неподвижно, окно было закрыто, и за ним, казалось, не было жизни.

Сивачев прошел в соседнюю комнату, приготовил себе яичницу и позавтракал.

Затем вернулся к трубе и заглянул в нее.

Окно было открыто, штора поднята. У окна стоял человек в ермолке и внимательно высматривал что-то в подзорную трубу.

Сивачев не чувствовал тревоги. Труба его была отодвинута глубоко в комнату, и светлый день действовал успокоительно на нервы.

Человек в ермолке опустил трубу, перешел от окна к столу и раскрыл большую тетрадь, в которой стал делать отметки. Он то быстро писал, то откидывался к спинке стула и, смотря перед собой, видимо сосредоточенно думал.

Сивачев видел, как его густые, нависшие брови двигались, словно мыши, и на широком лбу выступила резкая складка.

Потом он снова писал.

Вошел рыжий великан, одетый в гимнастерку и высокие сапоги. Он принес на подносе какую-то еду, винный стакан и бутылку. Поставил на стол подле тетради и молча вышел.

Человек в ермолке словно очнулся, придвинул к себе поднос и начал быстро есть, запивая еду вином. Сивачев следил за каждым его движением.

Вдруг человек в ермолке торопливо допил стакан вина, порывисто встал, прошел в угол комнаты и вытащил на середину какую-то машину. После этого он стал расправлять черные шнуры и прикреплять их к машине, затем подошел к окну, закрыл его и спустил штору.

Все скрылось, но Сивачев увидел, как в комнате за шторой вспыхнул яркий свет, погас и загорелся снова, и опять погас, и так сверкал, словно вспышками молнии.

Потом вспышки погасли.

Сивачев отодвинулся от трубы.

Он перешел в другую комнату, где стояли его кровать и письменный стол, и до вечера занимался своей работой.

Время перешло за полночь, когда он прошел опять в первую комнату и присел к трубе.

Окно было раскрыто, человек в ермолке смотрел в трубу, что-то пристально наблюдая.

На подоконнике стояли машины.

Потом он опустил трубу, убрал машины и закрыл окно.

Все таинственно, все страшно, все грозит несчастьями. Сивачев лег спать с твердым убеждением, что в это время где-то горит завод или фабрика, а может быть совершилось убийство.

На другой день он поехал к Груздеву, но не на застал его дома. Жена хозяина сказала:

— С утра ушедши.

— Так! Как только он вернется, скажите, чтобы ко мне пришел. К тому, скажите, который на квартире устроил, — пояснил Сивачев.

Он спустился с лестницы, вышел на улицу и не мог удержаться, чтобы не подняться по парадному ходу в пятый этаж.

Он быстро взбежал на верхнюю площадку и оглядевшись тихонько свистнул.

Вот так номер! Дверь из квартиры, где поселился Груздев, оказалась задвинутой огромным шкафом.

Сивачев подошел к нему и постучал по нему пальцем, словно желая убедиться, что

шкаф ему не привиделся.

В то же время он поднял глаза кверху и вдруг увидел, что вверху стены имеется узкое окно и через это окно на него смотрит человек. «Рыжий великан», — сразу узнал его Сивачев.

Оставаться дольше на площадке было неудобно. Сивачев быстро повернулся и пошел вниз.

Он сел в трам и поехал домой.

Подле него оказался пожарный, который говорил соседу:

— Как есть всю ночь. В 11 только домой вернулись. Как домой приеду, лягу — и никаких! только спать буду.

— Сильно горело? — спросил собеседник.

— На ять! С одного корпуса всю крышу сняли, другой насквозь выгорел. Машины, которые там были, провалились. Убытков — тысячи. Говорят завод станет.

Сивачев насторожился.

А пожарный продолжал:

— По четвертому номеру, 14 частей. Словно поветрие пошло. Раз за разом. И все заводы и все по четвертому номеру.

— Жарко...

— Тут, гражданин, жара не при чем. Это не лес, который в жаркое лето от спички горит. Завод — камень да железо.

— Какая же причина?

— Вот и догадайтесь! Сторожа, надсмотр, бережение, — а горит...

Сивачев доехал до улицы Красных зорь и вышел.

Он-то знает какая причина...

Наскоро пообедав, он пришел домой, отдохнул и стал писать.

Он решил изложить на бумаге все, что произошло от того момента, когда он впервые увидел человека в ермолке.

За этой работой застал его Груздев. Он вошел к нему с тревожным, озабоченным лицом и поздоровавшись сразу заговорил:

— Такая история, Павел Петрович, что и не разобрать. Нечистое что-то...

— Ну, рассказывай! — сказал Сивачев и Груздев начал свой рассказ:

— Говорил вам, что дыру провертел. Вот, а через день подошел — нет дыры. Ее деревянной пробкой забили. Вот тебе и фунт! Пошел я

на парадный ход, а там...

— Дверь шкафом задвинули, — сказал Сивачев.

Груздев кивнул.

— Верно. А вы откуда знаете?

Сивачев засмеялся.

— Да ведь я сегодня у тебя был... Ну, дальше.

— Дальше самое удивительное. Третьего дня утром пошел старика на службу провожать. Ладно. Идет он. Я по другую сторону улицы иду, глаз не спускаю. Ну, он опять на углу ул. 3-го июля у папиросника остановился. Взял пачку, а ему записку дал. В этот раз я это явственно видел. Дошел после до своей конторы, вошел — и все. Стал я думать. В контору не зайду. Ни к чему. А буду ждать, когда он домой пойдет. Время до полпятого. Ладно. Съездил на стадион, потом к товарищу за книжками, пошамал наскоро и — на улицу Дзержинского. Так...

Сивачев нетерпеливо сказал:

— Ты бы короче.

— Ничего не будет. Вы слушайте. Теперь подошел я и старик вышел. Огляделся и по-

шел. Только совсем в другую сторону. К Адмиралтейству. Ну, думаю, куда попрешь? — и за ним. Он — все прямо, потом по улице Гоголя, на проспект 25 Октября, сел в трам № 4 и поехал. И я с ним. Только он в вагоне, а я на площадке. Доехали до Васильевского. Здесь, на углу Среднего, он сошел, и я за ним. Он, не доходя 6-й линии, вошел в ворота. Я малость подождал и тоже вошел. На дворе ребяташки. Я спрашиваю: «Куда старик ушел?» Они на крыльцо указали, а один говорит: «Он тут живет, квартира 8». Ладно. Повернулся я, на трам и домой. Что же вы думали? Подхожу к дому, а старик мой идет — и с собакой. А? Я даже к мостовой прирос. Что за чорт! Там старик, тут старик. А? Словно чорт на рогах перенес его.

— Ты верно смешал стариков да за каким-то подрал. Благо седая борода, — усмехнулся Сивачев.

Груздев обиделся и вздернул нос.

— Что я маленький, что ли? Старика этого я вот как знаю! — сказал он. — А вы дальше слушайте... Сегодня за мной собака все время ходит.

— Какая собака?

— Его, громадная...

— Как ходит?

Сивачев сразу взволновался.

Груздев кивнул.

— Неотступно. Куда я — туда она. Был на площадке. В футбол играл. Смотрю — она в стороне сидит. Я проворонил и мяч пропустил. Сел в трам. Выхожу — она за мною. Был в столовке. Пообедал, газету прочел. Вышел — а она на другой стороне стоит и опять за мной. Теперь из трама вышел — и она тут...

— Следит?

Груздев кивнул.

— Не иначе.

Сивачев покачал головой и сказал с упреком;

— Неосторожно ты действовал, и они сразу тебя разъяснили. Я это сегодня увидел.

Груздев смутился и провел рукою по своей стриженной голове.

— Вы ведь не предупредили. Следи! Ну, я и следил. А они — меня. Ну, мне наплевать, — беспечно махнул он рукой, — а что они за люди, что делают?

Сивачев пожал плечами.

— И знаю и нет. Для того и тебя послал. Знаю я, что они — наши враги, враги нашей республики. Или иностранные агенты, или контрреволюционеры. Знаю, что все пожары заводов за последние дни они устроили. Знаю, что они одного человека убили. Но их поймать надо, обличить, и вот тут-то задача.

Груздев в волнении вскочил со стула.

— Я вам во всем помогу! Говорите, что делать?

Сивачев ласково положил ему руку на плечо.

— Пока береги себя, будь осторожен. Завтра приходи об эту пору. У меня будет еще человек и мы сговоримся.

Груздев крепко кивнул головой.

— Буду! — сказал он решительно.

Сивачев проводил его до дверей и вернулся к себе, но почти тотчас же услышал, как снова хлопнула дверь. Возвратился Груздев.

— Что случилось? — спросил Сивачев.

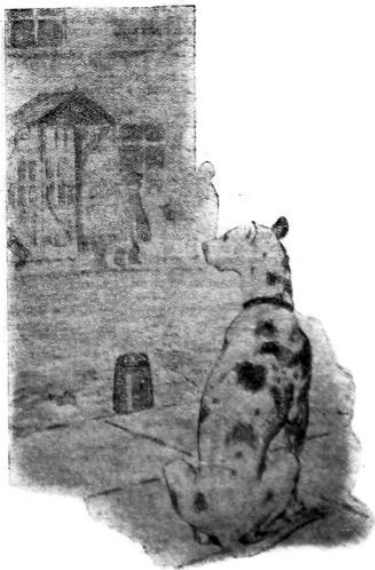
— Там... собака, — проговорил Груздев.

Сивачев почувствовал невольную дрожь.

— Пойдем, — сказал, он, беря кепку.

Они вышли и осторожно спустились с лестницы.

— Смотрите. На той стороне.
Сивачев выглянул.

...В терпеливом ожидании сидел дог...

На другой стороне улицы в терпеливом

ожидании сидел громадный дог. Прохожие почтительно обходили его, а он сидел, не сводя глаза с подъезда.

— Слушай, — сказал Сивачев, — попробуй запутать ее. Прыгай с трама на трам, пока сам не замучишься. На тебе рубль.

Груздев засмеялся.

— Я сейчас нашатырю куплю и буду за собой его лить.

— И это дело.

Груздев простился и ушел. Сивачев смотрел из подъезда и видел, как собака медленно встала и лениво побежала по мостовой за Груздевым.

XVI

Когда на другой день после урока плавания Сивачев возвращался домой, он встретил молодого человека с девушкой в сопровождении той самой собаки, которая гуляла со стариком и преследовала Груздева.

Девушка вела ее на толстом ремне и о чем-то озабоченно говорила со своим спутником.

Перейдя улицу, они остановились и стали смотреть на дом, в котором жил Сивачев, и, как ему показалось, на окна его комнаты.

Он поспешил домой и к нему тотчас вышла его соседка, которой он обычно оставлял ключ от комнаты. Она дала ему ключ и сказала:

— Тут, Павел Петрович, сейчас только к вам приходили.

— Молодой человек с девушкой?

— Да! Они хотели у вас уроки брать. Они недолго посидели и ушли. В трубу смотрели.

— Одни были?

— Одни.

— С собакой?

— Нет, без собаки. Подождали и ушли.

— Оставили записку?

— Нет. Сказали, что еще раз зайдут. Может быть, говорят, завтра.

— Благодарю вас, Варвара Петровна.

Соседка ушла.

Сивачев опустил на стул.

Он почувствовал, как легкий озноб прошел по его спине. Мало-помалу он оправился и тотчас взял бумагу, чтобы записать все происшедшее.

Выходит, тут не один человек в ермолке. Здесь и переодетый старик, и «натуральный»

старик, и рыжий великан, и папиросник, и эти молодые люди. Он вынул из ящика стола браунинг, внимательно осмотрел его, вложил обойму и положил в карман.

Первым пришел Барсуков. Он поздоровался, сел подле трубы и спросил:

— Ну, что у вас?

— А вот послушайте, — ответил Сивачев и передал рассказ Груздева и приход молодых людей с собакой.

— Это значит, что открыт Груздев, а с ними я, — окончил Сивачев.

— Несомненно! Осел ваш Груздев! — воскликнул Барсуков.

— Он не виноват. Там люди похитрее нас с вами. Вы лучше скажите, что теперь делать?

В это время пришел Груздев. Сивачев познакомил его с Барсуковым и сказал:

— Ты при нем можешь все говорить. Он все знает, и эта труба — его. Что нового?

— А ничего. Сегодня я без собаки и вообще она меня оставила. Был на Васильевском. Там действительно старик Заводилов живет. Сергей Аркадьевич, и в конторе на Комиссаровской служит. Как мой. Сегодня все то же было.

Пришел в контору, только с папиросником не встречался.

Барсуков смотрел в трубу. Гвоздев ходил по комнате.

— Вопрос в том, что теперь делать? — заговорил Сивачев. — Товарищ Груздев обнаружен, я — тоже. Вероятно и вас, Сергей Семенович, разъясят. Они хитрее нас, и по-моему нам надо искать таких, которые их хитрее.

— То есть?..

— Итти к прокурору, или в уголовный розыск, или в ГПУ.

— Но тогда мы не узнаем их секрета, — проговорил Барсуков, — и потом нет у нас доказательств их преступности. Как мы докажем?

— Придут и увидят то, что видели мы.

С этими словами Барсуков приложил глаз к трубе.

— Собирается что-то делать. Тащит опять свои машины.

— Возьми со стола из той комнаты мой бинокль и смотри тоже. Ты еще не видел, — сказал Сивачев, обращаясь к Груздеву.

Груздев взял бинокль, стал подле Барсуко-

ва, приложил бинокль к глазам и тотчас воскликнул:

— Здорово! Все видать, как на ладошке. Сразу стену узнал и окно. Этот в ермолке машины поставил. Э, полетел шар!

— Если бы знать, как он это делает, — с тоской воскликнул Барсуков и вдруг вскочил на ноги, едва не опрокинув трубы.

— Смотрите, смотрите!

Сивачев взглянул на окно и замер.

— Сюда! — проговорил он.

По воздуху, то поднимаясь, то опускаясь, медленно плыл шар.

— На нас! — закричал Барсуков. — Закрывайте окно! Скорей!

Груздев в один прыжок очутился подле окна и захлопнул его. И почти тотчас светящийся шар приник к стеклу, отодвинулся и заколебался перед окном. Сивачев взглянул в бинокль.

— Он смотрит в трубу, а теперь что-то делает подле машины. Полетел второй шар.

— Бежим! — закричал Барсуков и схватил трубу.

И все трое выбежали в коридор, а затем на

лестницу.

И почти тотчас раздался сухой треск и звон разбившихся стекол.

Когда они были на улице, раздался резкий, оглушительный треск, словно бросили на камни лист железа. Прохожие остановились и подняли головы кверху. Сивачев взглянул наверх. Из окон его комнаты вырвались клубы дыма.

— Пожар! — закричал кто-то.

Из ворот дома выбежал дворник, побежал к пожарному сигналу.

Сивачев, Груздев и Барсуков стояли на другом углу улицы.

— Извозчик! — закричал Барсуков и торопливо сел в пролетку.

— Я домой, — сказал он, бледный от страха, — еще бы минута, и нас бы не было.

— Что случилось? — спросил ошеломленный Сивачев.

— Видите, — усаживаясь и принимая от Груздева подставку, заговорил Барсуков, — он разрядил первый шар в воздухе, чтобы разбить стекла, а второй пустил уже, как снаряд. У вас все разрушено и пожар. Ну, я еду!

Он толкнул извозчика и пролетка отъехала. В ту же минуту раздался протяжный звук трубы и на улицу въехал пожарный обоз.

— А нам что делать? — спросил Груздев.

Сивачев уже справился от волнения. В голове его созрело решение.

— Иди куда-нибудь, только не домой. Переночуй и потом устройся. Адрес свой скажи Тышко. Я к нему зайду.

Груздев пожал ему руку и ушел. Сивачев перешел улицу, сел в трамвай, поехал ночевать к своему приятелю — Кумачову. Он не хотел оставаться подле дома, где горела его квартира.

Может быть в толпе есть люди, которые высматривают его. Подробности о пожаре он узнать успеет.

XVII

В десять часов утра Сивачев уже был на углу улицы Дзержинского. Дежурный попросил обождать.

Сивачев сел на деревянную скамейку. В подъезд вошел толстый, широкоплечий мужчина в высоких сапогах и гимнастерке. Дежурный высунулся из окошка и сказал:

— Товарищ Башков, поговорите с этим гражданином.

Башков остановился. Сивачев подошел к нему и быстро стал говорить. Башков не дал ему закончить.

— Пойдемте, — прервал он и указал рукой куда идти. Они вошли в тесный кабинет. Башков бросил на стол портфель и фуражку, сел в кресло и вторично спросил:

— В чем дело? Расскажите снова.

— Вы вероятно знаете про пожар на улице Красных зорь. Раздался шум вроде грома, разлетелись стекла и начался пожар? — спросил Сивачев.

Башков кивнул.

— Это в меня была направлена молния, чтобы убить меня, — продолжал Сивачев.

Башков чуть заметно улыбнулся и опять кивнул головой.

— Пожар на фабрике им. Ногина, убийство гражданина Хрущева, пожары на чугунно-литейном заводе и на складах Октябрьской железной дороги. Это все от искусственной молнии, которую пускают злоумышленники.

— Все? — неожиданно спросил Башков.

Сивачев вспыхнул. Ясно, его считают за сумасшедшего. И он, сначала путаясь и сбиваясь, а потом уже складно рассказал все, что успел узнать с первого момента, когда навел бинокль на таинственное окно.

Когда же Сивачев окончил, следователь откинулся и спинке стула и ударил рукой по столу.

— И вы до сих пор молчали?! Это преступление! Вы должны были понять, что это — вредительство, заговор, контрреволюция.

Сивачев в волнении встал.

— Когда я начал свой рассказ, вы улыбались, — заговорил он и в волнении встал, — думали, что я — маньяк. Если бы я пришел к вам сразу, вы бы посмеялись. Я хотел раскрыть всю организацию; товарищ мой Барсуков — он физик — хотел уяснить сущность изобретения. Вот почему я медлил. А теперь мой помощник Груздев и я раскрыты. Мы едва избежали смерти.

— Пусть так! Все-таки вы сделали ошибку! — воскликнул Башков. — Мы не хуже вас могли делать наблюдения. Ну, это уже в сторону. Кто такие Груздев и Барсуков?

На это Сивачев сказал:

— Я ручаюсь за обоих.

— Прямо американская фильма! — усмехнулся Башков. — Заговорщики, великое изобретение и самое черное злодейство. Подзорная труба, загримированный старик, ученая собака... Ну, мы их всех выведем на чистую воду. Откуда мы могли бы их наблюдать? А?

— Из квартиры Хрушова, — тотчас ответил Сивачев, — то есть не из нее, а из этого дома. Лучше бы из пятого этажа или с чердака.

— Адрес?

— На улице Правды, — Сивачев назвал номер дома.

— Адреса ваших помощников — Барсукова и Груздева?

Сивачев сказал и объяснил, как найти Груздева.

— Превосходно! Значит и начнем работу.

XVIII

Служебные часы окончились. Дорогой, сидя в закрытом автомобиле, Башков закурил папиросу и, обращаясь к сидящему рядом Сивачеву, заговорил:

— Следственный материал о пожарах я

знаю. В трех случаях свидетели говорят, будто видели огоньки в воздухе. Один прямо сказал — «шар». По справкам, полученным мною, управдом на Глазовой, этот Иван Кириллович, хорошо только пиво сосет, а что в доме делается — ему и заботы нет. Квартира на пятом этаже Заводиловым снята. По документу — Сергей Аркадьевич, 62 года, из Тамбовской губернии, служит в строительной конторе счетоводом. И затем у него с неделю времени поселился некий Степан Огаркин, 30 лет, крестьянин. Раньше служил сторожем на лесопильном заводе. Имеет две судимости. Одну за грабеж, другую за налет. Вот паренек! Собака тоже налицо. Третьего, которого вы видели, не значит. Выходит, его там водворили, и он, как арестант. Это бывает. Теперь еще фактик. Ваш Груздев молодцом оказался. На Васильевском острове, на Среднем проспекте живет доподлинный Сергей Аркадьевич Заводилов, из Тамбовской губернии, 62 лет, и служит в строительной конторе. Вот это трюк. Два документа на одно лицо.

— Когда вы успели все это разузнать? — с удивлением спросил Сивачев, слушавший с

жадным вниманием рассказ спутника.

— Пустяки. Я успел и помещение снять на улице Правды. Комната в пятом этаже. Как есть над хрущовской. Сейчас мы туда с вами едем, будем наблюдать.

Минут через пять они уже въехали во двор. Сивачев выпрыгнул и быстро пошел по узкой лестнице. Это был черный ход.

Башков открыл дверь и вошел в кухню.

Идя следом за ним, Сивачев вошел в коридор и из него в комнату. Из комнаты направо и налево были двери, точь-в-точь, как в квартире Хрущова.

— Это у Хрущев их столовая, налево — спальня, направо — гостиная, — сказал Сивачев и пошел направо.

— И здесь так же.

— Как вы добыли это помещение?

— Случай! Здесь живет один инспектор из угрозыска. Жена и дети на даче. Ну, и сговорились. Он ушел к себе на дежурство, а завтра на дачу уедет. Надо будет, месяц проживем.

Сивачев огляделся.

И здесь комната служила гостиной. Дешевая мягкая мебель, письменный стол. Башков

не открыл света и в комнате был полумрак.

— Займемся, — сказал он и передал Сивачеву длинный морской бинокль.

— Вон налево видите голую стену и в ней светящееся окно. На него и смотрите! — Сивачев, не подходя к раскрытому окошку, указал рукой.

Они сидели в полумраке, в пустой квартире и молча наблюдали в бинокль за тем, что Сивачеву было знакомо, а Башков видел в первый раз.

Человек в ермолке, как всегда, установил свои приборы, соединяя их проводами с какой-то машиной, стоящей в глубине комнаты, потом подошел к столу, наклонился, что-то отметил карандашом и вернулся к приборам. Следом за этим на кондукторе одного прибора появилась светящаяся точка, которая быстро разрослась до размера небольшого шара, а затем шар отделился и, светясь бледным голубым светом, поплыл по воздуху. За ним полетели второй и третий.

— Ручаюсь, что в эту ночь будет новый пожар, — сказал Сивачев и продолжал смотреть.

Башков сорвался с места, подбежал к столу, на котором стоял телефон, торопливо позвонил и стал говорить:

— Губпожар. Благодарю... Алло. Где пожар? Так, так, благодарю.

Он повесил трубку, дал отбой и отправился к Сивачеву.

— Вы правы. Горит модельная на заводе «Серп и молот». Доказать, что поджигают эти подлецы, — трудно, но захватить их не ахти что. И мы это сделаем. Да, да!

Он взволнованно прошелся по комнате и остановился перед Сивачевым.

— Я сейчас уеду. Сделаю доклад. Вы останетесь здесь. В кухне наш агент. Отсюда вы ни на шаг. Там стоят две кровати. С утра делать вам будет нечего, займитесь наблюдением. Только осторожно. Я вам позвоню. Ну, пока..

XIX

Сивачев проснулся, услышав звонок телефона, и тотчас подошел к нему.

Послышался голос Башкова.

— Говорю я. Здравствуйте! Следите все время. Надоест, поручите агенту Артемию. В шесть часов придут ваши приятели. В во-

семь — я.

День тянулся мучительно долго. Кроме шторы со знаками наблюдать было нечего, и Сивачев томился и от безделья и ожидания.

То Сивачев, то Артемий брали бинокль, но ничего, кроме опущенной шторы со знаками «6 В 8», не видали.

Наконец в дверь раздался стук. Артемий прошел в кухню и вернулся с Барсуковым. Он вбежал, сбросил шляпу, встряхнул руку Сивачеву и торопливо заговорил, ероша волосы:

— А вот вы где. Я о вас чертовски беспокоился и в то же время боялся итти на вашу квартиру. Интересно, что с ней?

— Скажите, Сергей Семенович, — спросил Сивачев, — отчего эта молния Хрущева просто убила, а у меня пожар и разорение?

Барсуков пробежал по комнате, остановился и развел руками.

— Нет ничего прихотливее молнии. Она разбивает дуб, а иногда выжигает только траву под дубом. Здесь я думаю так: ваш Хрущов держал у глаз бинокль. Молния прошла по металлической оправе, сплавил ее, поразила вашего приятеля и ушла через него в землю.

А у вас она разрядилась в воздухе и произвела и разгром и пожар. Все поджоги на заводах произошли таким манерам.

— Кто вам указал мой адрес?

— Пришел в университет незнакомец, вызвал меня, объяснил ваш адрес и назначил притти. В чем дело? Как вы тут?

Сивачев объяснил. Барсуков махнул рукою.

— Пропало изобретение. Спугнул его.

— Зато кончатся все преступления. Вчера опять был пожар.

— А может быть вы сумеете догадаться на расстоянии, — засмеялся Сивачев, — смотрите, ведь оно в двух шагах. Поглядите, — и он дал ему бинокль.

В эту минуту в комнату вошел Груздев. Лицо его сияло, когда он здоровался с Сивачевым и Барсуковым.

— Вот и вы! А я, знаете, немного трусил: думал, а вдруг ловушка. Пришел к Тышко какой то человек и говорит, что вы меня ждете к шести часам, и дал адрес. Объяснил, как пройти. А тут какая история. От вас я к Тышко подрал, а вчера захотел в футбол сыграть.

Только иду по площадке, смотрю, а там старикова собака сидит. Вот так гвоздь! Я раком, раком, да и удрал.

Они оживленно разговаривали, когда в комнате появился огромный Башков и добродушно сказал:

— Все налицо и все значит в порядке. Знакомиться не будем, а просто здравствуйте. Пройдем — поговорим. А что у него? — Башков кивнул на окошко.

— Сегодня ничего не будет, — ответил Сивачев, — окно занавешено и на шторе знаки.

— Знаки? — Башков взял бинокль и посмотрел на окно. — Сигнал для своих, — сказал он, — вероятно это назначение свидания или собрания. Тогда тоже знаки были. В обоих случаях 8. Это время. А вот цифры и буквы, — подумав решительно добавил. — Необходимо захватить тех, которых сможем. Тянуть канитель — значит множить преступления. Сделаем так. Вы, — он кивнул Сивачеву, — и товарищ Груздев завтра утром будете на улице Дзержинского. На другой стороне наши будут. Как увидите старика, Груздев свою кепку снимет и платком голову вытрет.

И все. Дальше: если старик с папиросником увидится, наши люди этого типа не упустят, а следом за этим старика слопают. Вы в это время в автомобиле будете. Его втащат и бороду снимут, вы только посмотрите, он или нет, и сейчас с Груздевым на Глазовую. Поняли? Он в котором часу выходит?

— В девять, — ответил Груздев.

— Ну, значит в девять и вы на углу улицы 3 июля и улицы Дзержинского. А вы, — обратился он к Барсукову, — со мной, на Глазовую. Важно, чтобы при аресте тотчас все приборы осмотреть.

XX

Утром Сивачев был молчалив и сосредоточен, Груздев волновался и только Артемий не проявлял никакого волнения.

С улицы донесся отрывистый рев автомобильного гудка.

— Пошли.

Артемий выпустил Сивачева и Груздева, вышел следом за ними, запер дверь и ключ передал Сивачеву.

— Я уже не вернусь, а вы пока здесь жить будете.

Сивачев молча опустил ключ в карман и они сошли вниз, где на дворе их ждал автомобиль.

— Садитесь, — сказал Артемий.

Они вошли. Артемий сел подле шофера и автомобиль, гудя, выехал со двора. Груздев волновался и не мог спокойно сидеть. Они поехали по улице 3-го июля, свернули на улицу Дзержинского и остановились.

Артемий открыл дверцу и сказал:

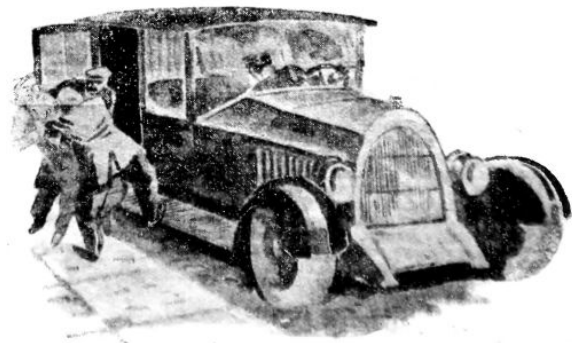
— Вы, товарищ Груздев, выходите, а вы на месте сидите. Мы к вам его доставим.

Груздев выскочил. Дверца захлопнулась. Сивачев остался в автомобиле и прильнул к заднему окошку. На левой стороне на углу был Груздев, на другой стороне стоял Артемий, закурил папиросу и потом медленно двинулся по улице...

...Вот Груздев снял кепку и провел платком по стриженной голове.

В ту же минуту Сивачев увидел старика в соломенной шляпе. Он шел медленной, степенной походкой. Вот он остановился подле папиросника, взял от него коробку папирос, заплатил и двинулся дальше.

Артемий сравнялся с ним и только прошел мимо, как какие-то два пьяных затеяли ссору и один из них толкнул старика. Старик отодвинулся, пьяные привязались к нему и что-то кричали, размахивая руками. Артемий оказался позади старика и в это время автомобиль двинулся задним ходом. Сивачев откинулся на сиденье. Дверца распахнулась и в автомобиль вскочил Артемий, а следом за ним двое изображавших пьяных, втащили старика и, крепко держа за руки, опустили на сиденье.

...Старик пытался освободить руки...

— Спокойно, — сказал один и захлопнул дверцу. Автомобиль помчался.

Старик силился освободить руки. Артемий протянул руку и быстро сорвал со старика парик и бороду.

Обнаружилась большая обритая голова, широкий лоб, крупный подбородок.

— Он, он! — закричал Сивачев.

Автомобиль въехал во двор, арестованного увели. Артемий снова сел в автомобиль и машина тотчас же выехала со двора.

— Теперь на Глазовую, — сказал Артемий, — товарища Груздева по дороге захватим. А здоровый мужик, — прибавил он и засмеялся, — можно сказать, не ждал, не гадал.

Автомобиль остановился, в него вошел Груздев и машина помчалась полным ходом.

— Ловко старика сгребли, — возбужденно говорил Груздев, — а папиросника милиционер увел.

Артемий ударил пальцами по стеклу. Шофер остановил машину.

— Вы подождите. Я сейчас. — Артемий вышел из автомобиля, скрылся, почти тотчас вернулся и сказал:

— Все на мази. Выходите.

Груздев вылетел, как мяч. Сивачев вышел следом за ним и огляделся. Они были в конце Глазовой улицы со стороны Звенигородской и Сивачев не сразу узнал местность.

— Вон он, дом-то, — сказал Артемий, — мы нарочно с этой стороны, чтобы нас из окна не заприметили. А вот и товарищ Башков.

Недалеко от дома стоял Башков в гимнастерке защитного цвета и высоких сапогах. Рядом с ним стояли двое, одетых, как и он, с револьверными кобурами на поясе, а перед ним, подняв кверху козлиную бороденку, топтался управдом Иван Кириллович.

— Вы с нами пойдете, — говорил Башков, — а дворник с моим товарищем по черному ходу. Сейчас устройте нам два топора.

— В минуту! — рванулся управдом, подпрыгнув на месте.

Он побежал под ворота дома и Башков обратился к подошедшему Сивачеву:

— Все в сборе. Отлично! Только ученый ваш обещал приехать позднее, — и Башков засмеялся. — Что хотите? Физикус, ученый, а тут с револьверами. Да и не нужен он.

В это время подошел управдом с дворником, который нес два топора.

— Ну, вот отлично! Значит вы, товарищ Груздев, и ты, — кивнул он на одного из агентов, — обогните угол и станьте против стены, чтобы вам окно было видно. Может быть вещь какую или бумагу выбросят, вы тогда подберите.

— Ты, — обратился он к другому, — иди с дворником по черному в пятый этаж и стой у дверей, пока мы не откроем. Если кто выйдет — задержи. В случае чего — стреляй. А мы: я, товарищ Артемий, вы и управдом по парадному двинемся. Дайте топоры.

Он взял один топор, другой дал Артемию и сказал:

— Пошли.

Они бесшумно поднялись до пятого этажа и Башков передал топор Сивачеву.

Он подошел к двери и нажал кнопку звонка. Сивачев вспомнил про окошко, выходящее на лестницу, и поднял глаза. Башков стучал кулаком в дверь и могучие удары гулким эхом раздавались по лестнице. Сивачев вдруг увидел в окошке лицо рыжего великана и

поднявшуюся снизу руку с револьвером. Он хотел вскрикнуть, но в это мгновение раздался выстрел, на площадку посыпались разбитые стекла и рыжая голова скрылась.

— Руку ему разбил, — сказал Артемий, опуская револьвер.

— Бей! — крикнул Башков.

Бух, бух, бух... — гулким эхом разносилось по лестнице.

Сивачев размахнулся и ударил со всей силой. Доска раскололась и упала. Артемий нанес удар по другой доске и дверь распахнулась. Громадная собака с поднявшейся дыбом шерстью с диким рычанием бросилась на Сивачева, но в то же мгновение раздался выстрел и собака, подпрыгнув, упала на спину. Из коридора загревели выстрелы. Башков и Артемий бросились в двери. Сивачев рванулся за ними.

В то же мгновение сверкнул ослепительным свет, раздался сухой треск, грохот, с потолка посыпалась известка.

— Назад! — крикнул Башков, выскакивая на площадку. — Артемий, пожарный сигнал!

Они возвратились на площадку лестницы;

из двери клубами вырывался удушливый дым.

На площадку влетел вихрем Груздев. Лицо его было бледно, глаза вытаращены.

— Там... — прохрипел он, дрожа от волнения, — он выбросился из окна.

Сивачев побежал вниз по лестнице. На площадках толпились люди. Сивачев, расталкивая всех, выбежал на улицу и бросился за угол к стене дома. Он увидел его сразу и сразу узнал в нем человека в ермолке.

Выкинувшись из окна с высоты пятого этажа, он упал спиной на груды битого кирпича.

Сивачев нагнулся над ним, поднял свалившуюся с его головы ермолку и накрыл ею его лицо.

— Расходитесь! — раздался зычный голос.

К стене подошел пожарный автомобиль с лестницей и через минуту она стала развешиваться выше и выше до самого окошка, из которого вырывались клубы дыма.

Сивачев бросился к подъезду. По лестнице уже гигантской змеей тянулся черный рукав, пробегали пожарные, кричал брандмейстер.

Сивачев поднялся в пятый этаж. Башков,

Артемий и Груздев стояли в стороне, пожарные приникли в горящее помещение.

Огонь сбили. Из двери вместо клубов дыма вырывались клубы пара. Слышались треск и шипенье. Пожарные один за другим входили в двери.

— Можно, — сказал брандмейстер, и Башков в сопровождении Артемия, Сивачева и Груздева прошел через разломанные двери.

Сквозной ветер из окна в дверь проносил дым, от которого слезились глаза и першило в горле. Воздух был насыщен запахом гари, жженой резины и паленой шерсти. Ноги ступали по воде. Они вошли в переднюю, из которой направо тянулся коридор, а прямо был вход в комнаты.

Вытянувшись во весь рост лежала громадная собака с обгоревшей шерстью; в нескольких шагах от нее лежал рыжий великан; он лежал на боку, поджав одну ногу. В застывшей руке его был зажат револьвер. Они прошли в кухню и Артемий открыл дверь на черную лестницу. В кухню вошли агент и дворник.

— Надо убрать собаку и человека. Челове-

ка в больницу, — сказал Башков.

Они вернулись в переднюю, перешли через большую комнату, в которой стояли четыре койки, стол и стулья.

— Тут их целая банда жила, — сказал Башков. — Ну, и управдом! За домом из пивнушки следит.

Наконец они вошли в комнату, которую хорошо знал Сивачев, изучив через бинокль, но теперь она была неузнаваема. Потолок обвалился, открыв зияющее широкое отверстие, из которого свешивался толстый железный прут, расплавленный до половины.

Сивачев увидел остов машины на треножнике с колесами. Она казалась скелетом какого-то чудовища, а сгоревшая обмотка кой-где висела на ней словно клочья мяса. В комнате, несмотря на сквозной ветер, чувствовался запах жженого каучука.

— Ну, тут немного что найдет ваш фмзикус, — сказал, усмехнувшись, Башков и, шагнув в угол, где стоял раньше письменной стол, нагнулся над кучей обломков дерева и раскиданных бумаг.

— Все это осторожно собрать. Каждую бу-

мажку, — сказал он.

— А это что? — Башков нагнулся и поднял из кучи обгоревший с угла план Ленинграда. — Вот они знаки! — показал он Сивачеву, — буквы А, Б, В, Д — это горизонтальные линии, цифры 1, 2, 3, 4 — вертикальные. Вот вам и сигналы! В первый раз 3, В, во второй 6, В. Это обозначение места в плане. А 8 — это часы. Ясно.

— Совершенно, — согласился Сивачев.

— Квартиру 6 В вчера товарищи выследили. Я их послал для наблюдения; они проводили старика до самого дома. Ну, а 3—Д, понятно, они уже ликвидировали.

XXI

На другой день Сивачев был у Башкова. Башков улыбался и потирал пухлые руки.

— Большое дело сделали, большое! Немного с опозданием, а все-таки...

— Что открыли? — спросил Сивачев.

— И эмигранты, и свои вредители, и эстонские шпионы. Всего есть...

Два дня спустя Сивачев вернулся в свою квартиру. Она была вычищена, вымыта, заново

во оклеена обоями, но хранила следы разрушения.

Конец